

М. Водопьянов

В ДНИ ВОЙНЫ

МАЛЕНЬКАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО

"ДЕТСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА"

Имя Героя Советского Союза знаменитого лётчика Михаила Васильевича Водопьянова (1899—1980) широко известно во всех уголках нашей Родины.

Михаилу Васильевичу Водопьянову многое довелось увидеть и испытать в жизни и было что рассказать своим читателям. Он в труднейших условиях открыл первую на Дальнем Востоке воздушную линию на Сахалине, летал в южных районах страны, перевозил из Москвы матрицы газеты «Правда» в Ленинград и Харьков.

В 1934 году Михаилу Васильевичу Водопьянову в числе семи лётчиков, спасавших челюскинцев, было присвоено впервые введённое тогда в нашей стране звание Героя Советского Союза. С тех пор он тесно связал свою жизнь с Арктикой, с полярной авиацией.

В своей книге «Полярный лётчик» М. В. Водопьянов рассказывает о том, как он, деревенский юноша, стал лётчиком, как впервые совершил полёт на Северный полюс, высадив на льдину четвёрку отважных зимовщиков, которые организовали станцию «Северный полюс-1».

В годы Великой Отечественной войны генерал-майор авиации М. В. Водопьянов водил тяжёлые воздушные корабли бомбить дальние тылы врага. И вот о том, что происходило с ним и его боевыми товарищами, он и рассказывает в книге «В дни войны».

Рисунки А. Лурье

В 4803010102—281 206—85
M101(03)85

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СЕЛЬСОВЕТА

Фронт проходил между Тулой и Орлом. Я летел с подмосковного аэродрома на передовую. Погода была хорошая, дул попутный ветер, и я очень быстро добрался до места назначения. Часа через два я уже возвращался в свою часть.

На этот раз лететь было намного труднее. Ветер, дувший прямо в лоб самолёту, усилился. Скорость сократилась вдвое. Значит, должно уйти вдвое больше бензина.

Я мысленно подсчитал количество горючего и понял: хватит, но в обрез. Чтобы сократить рас-

стояние, решил идти бредущим полётом напрямую. Лечу около трёх часов. Впереди блеснула Москва-река. Отлично! Скоро наш аэродром.

А пока иду над густым лесом. Самолёт сильно болтает. Внизу проплывает какое-то село, не обозначенное на карте. Сразу же за селом — снова лес.

Вдруг останавливается мотор: кончился бензин. К счастью, слева, недалеко от села, я заметил небольшую лужайку и благополучно сел.

Вылез из самолёта, вижу: из села со всех ног несутся ребятишки. Первыми подбежали два загорелых пионера. Спрашиваю:

— Есть ли тут поблизости телефон?

— Есть! — радостно отвечают они. — Видите дом с красной крышей? Это сельсовет. Оттуда можно позвонить.

Около сельсовета я встретил двух девушек. На вид им было лет по шестнадцать-семнадцать, не больше. Одна — светлая, с широко открытыми серыми глазами на круглом полудетском лице — спросила меня:

— Вы в сельсовет, товарищ лётчик?

— Да. Хочу позвонить в свою часть.

— А как вы сюда попали? — Её лицо стало строгим и немножко важным.

«Какие дотошные девчонки! — раздражённо подумал я. — И что им за дело? Нашли время допрос снимать!»

Но я ответил спокойно и даже шутливо:

— Вы же видели: самолёт сел на вынужденную...

— А вы не сердитесь, — ответила другая. — Сами понимаете, война...

В это время снова вмешалась решительная девушка с детским лицом и категорически предложила:

- Предъявите документы!
- А вы, собственно говоря, кто будете?
- Председатель сельсовета!

Признаться, я чуть не ахнул вслух. «Да,— думаю,— вот что делает война... Ведь это же ещё школьница, а на такой важной выборной должности...»

Пока я с сожалением смотрел на этого председателя, девушки рассмотрели мои документы.

Тут одна говорит другой:

— Шура, ведь это же товарищ Водопьянов!

Вижу, мой председатель немного смутился, но достоинства не теряет и говорит мне спокойно:

— Пойдёмте, я позвоню сама. Телефон у нас капризный — не всех слушается.

В часть мы дозвониться не сумели, но сообщили о вынужденной посадке секретарю райкома.

Он прислал за мной машину, и, оставив самолёт под охраной колхозников, я уехал.

Но моё знакомство с председателем сельсовета на этом не кончилось.

На другой день я вернулся за самолётом. Меня ждали. В клубе было празднично убрано. Колхозники попросили меня рассказать, как воюют наши лётчики.

Потом Шура Савёлова, как настоящая хозяйка, стала меня знакомить с сельским, как она сказала, активом.

— Вот наш секретарь сельсовета,— подвела она меня к почтенному старику с длинной бородой, похожему на старую икону.— А вот наши председатели колхозов и члены правления,— представила она мне других.

Все чинно кланялись мне, я — им.

Потом я увидел в стороне группу смеющихся девчат. Шура подводит меня к ним:

— А это наши лучшие колхозные бригадирши. Бригадирши сделали серьёзные лица и торжественно протянули мне руки.

Но вот перед нами сидит на лавке, как воробьи на телеграфном проводе, целая стайка подростков.

— Это,— сказала Шура,— молодые помощники механиков и трактористов.

Батюшки ты мои! У этих трактористов ноги висят в воздухе, до полу не достают...

Глубокая горечь охватила мою душу: вот, думаю, что сделала война...

Признаться, мне было от души жаль эту молодёжь, на плечи которой легла столь ранняя ответственность.

Но чем дольше и внимательнее присматривался я к молодым колхозникам, чем больше разговаривал с ними, тем на душе у меня становилось радостней и легче. Сознательно, с огромной любовью трудились они для своей Родины.

— Мы так считаем,— сказал один парнишка,— что каждый мешок зерна — это лишняя бомба на врага. Правильно? Или, может, два считать надо?

Мы долго дружески беседовали с колхозниками. Старики очень хвалили председателя сельсовета.

— Молода, а толкова,— говорили они солидно.— При ней у нас сельсовет лучшее место в районе занял. А ведь только в прошлом году школу окончила...

Я всё с бóльшим уважением смотрел на эту девушку, которая заставила людей намного старше её не только полюбить, но и уважать себя.

В тот же день я побывал в гостях у Шуры Савёловой. Она жила одна. Отец её и три брата были на фронте.

В домике оказалось очень чистенько, уютно. На столе ещё лежали ученические тетради Шуры. Но теперь я уже не относился недоверчиво к тому, что «школьным духом пахнет». Мне это уже нравилось.

После победы я поехал посмотреть, как живут и работают мои знакомые колхозники.

Буйно колосился урожай. Сельсовет по-прежнему занимал первое место в районе. Но председателя мне повидать не удалось: Александра Савёлова рано утром уехала в Москву — подавать заявление в Сельскохозяйственную академию имени Тимирязева.

— Ещё приедешь к нам, — сказали мне колхозники, — она либо председателем исполкома, либо академиком будет.

НЕДОРАЗУМЕНИЕ

Однажды во время Отечественной войны лётчик Павел Михайлов, ныне Герой Советского Союза, получил задание доставить в город Миллерово полковника с секретными документами. Для большей безопасности полёт должен был состояться ночью. На подлёте к городу Михайлов увидел яркие лучи прожекторов. Во многих местах поднимались огненные фонтаны зенитных снарядов и трассирующих пуль.

— Город и аэродром бомбят фашисты, — сказал лётчик.

— Придётся подождать, когда кончат. Задание должно быть выполнено.

Лётчик стал делать круги в сторонке, выжидая.

Но бой не прекращался, а, наоборот, разгорался.

Михайлов забеспокоился, что в ожидании истратит весь бензин. Он решил зайти с другой стороны города. Только стал разворачиваться, как вновь показались вражеские самолёты. Снизу по ним давали сильный огонь. Начали стрелять и в Михайлова: ведь ночью не видно, свой самолёт или чужой! Три прожектора поймали машину Михайлова и не выпускали её из своих лучей. Зенитки палили наперебой. Кабину так ярко осветило, что лётчику ослепило глаза, и он перестал различать показания приборов. Невозможно разобрать, какая скорость, правильно ли идёт самолёт.

Стараясь уйти от прожекторов, лётчик снижал машину, развивая бешеную скорость. Наконец ему удалось уйти от ослепляющих лучей, и он увидел, что летит со скоростью трёхсот пятидесяти километров, а до земли осталось всего метров пятьдесят.

Сейчас машина врежется в землю... Холодный пот выступил на лбу у пилота. Он резко рванул штурвал на себя и, над самой землёй выровняв самолёт, пошёл в сторону.

В это время Михайлову бортмеханик доложил:

— Пробиты баки! Бензин вытекает! Немедленно надо садиться!

Но куда? Ведь ничего не видно.

Лётчик осветил землю своими фарами. Под самолётом он увидел кустарники и овраги. Сесть негде... Командир резко развернул самолёт и решил тянуть на аэродром — будь что будет... И вдруг заметил на краю оврага более или менее ровную

площадку. Михайлов не задумываясь повёл машину на посадку. Самолёт коснулся земли, лётчик выключил моторы и нажал на тормоза. Перед самым оврагом машина остановилась. Не успели люди порадоваться благополучной посадке, как раздался женский голос:

— Руки вверх!

— Да мы свои...

— Руки вверх! Стрелять буду!

Ничего не поделаешь, пришлось поднять руки.

К самолёту подошли несколько девушек.

— Обыскать! — скомандовала одна.

Девушки отобрали у всех пистолеты.

— Нефёдова, — командует всё та же, — беги к командиру, доложи, что наша батарея сбила фашистский самолёт. Экипаж взят в плен.

— Есть, товарищ старшина, доложить командиру.

Девушка козырнула, повернулась кругом по всем правилам воинской дисциплины и помчалась выполнять приказ.

— Послушайте, товарищ старшина, — сказал тогда полковник, — вы же видите, что мы не немцы. Посмотрите на самолёт — на нём красные звёзды. Мы вам сейчас предъявим документы.

— Мало ли что звёзды да документы! Это всё сделать можно. А зачем вы бросали на своих бомбы, если так?

— У нас пассажирский самолёт, — вмешался тут Михайлов. — Какие же могут быть бомбы?

— Прекратить разговоры! — заявила старшина. — Там, на батарее, разберёмся.

Пошли на батарею. По дороге полковник, лётчик и бортмеханик, которые были очень довольны благополучной посадкой, начали вслух обсуждать своё положение.

— Вот это здорово, товарищ полковник! — сказал Михайлов. — Вам приходилось когда-нибудь в плен к своим попадать? Я — в первый раз!

— А девушки — молодцы! — ответил полковник. — И стреляют неплохо, и принимают хорошо. Только не очень вежливо!

— Как это — неплохо стреляют? — вмешался бортмеханик. — Очень даже здорово! Вы посмотрите на машину! Хорошо ещё, что они нас не продырявили.

Девушки шли всё это время молча и не показывали виду, что этот разговор касается их. Когда дошли до командного пункта, старшина доложила:

— Товарищ командир! Эти люди с того самого самолёта, который носился над нами и чуть не задел колёсами нашу батарею. Они хорошо говорят по-русски и уверяют, что свои.

Командир поднял голову и, ни слова не говоря, пристально всматривался в «пленных».

— Ваша фамилия? — спросил он Михайлова. Тот ответил.

— Я вас знаю, — сказал тогда просто командир. — Вы прилетали к нам на аэродром. Садитесь, товарищи, и для порядочка предъявите документы: как и что... А на наших девушек не обижайтесь!

На лице старшины появился густой румянец.

— Извините, — сказала она, — получилось недоразумение.

— Никакого недоразумения нет! — весело ответил ей полковник. — Вы молодцы! Так и надо действовать. — Он крепко пожал всем девушкам руки и добавил: — Сегодня же позвоню в штаб противовоздушной обороны и попрошу, чтобы вас отметили в приказе.

ШТУРМАН ФРОСЯ

Однажды к нам в полк пришла скромно одетая белокурая девушка.

Мы, лётчики и штурманы, только что кончили подготовку к боевому вылету и собирались пойти пообедать. Кто-то решил, что она пришла наниматься подавальщицей в столовую, и ей предложили:

— Пойдёмте, девушка, с нами. Мы как раз в столовую идём.

— Спасибо, я не хочу есть!

— Ну, с заведующим поговорите.

— Спасибо, мне не нужно.

— А кто же вам нужен?

— Командир полка.

— Интересно, по какому же делу, если не секрет?

— Видите ли,— охотно ответила девушка,— когда я кончала десятилетку, я одновременно училась в аэроклубе летать. Теорию сдала отлично, а практически оказалась малоспособной: полома-ла машину и меня отчислили.

Кое-кто засмеялся, но многих её откровенный разговор заинтересовал.

— Вы что же,— спросили её,— хотите поступить в наш полк?

— Да.

— Вам незачем идти к командиру.

— Почему?

— С такой практикой вы нам не подойдёте.

— Но вы ведь меня ещё не знаете,— возразила девушка.— Я окончила школу штурманов и работала уже в отряде. А потом заболела, и меня отчислили в резерв. Сейчас я здорова, и мне стыдно сидеть дома, когда все воюют.

— Нет, вы всё равно не подойдёте,— сказал ей старший штурман. (А я в это время подумал: «Молодец, настойчивая! Люблю таких».) — Наши штурманы летают ночью и имеют большой опыт, а вы?

— Я тренировалась и ночью.

— А сколько вам лет?

— Скоро двадцать два будет.

— Многовато,— сказал кто-то, и все засмеялись.

— С таким штурманом полетишь и заблудишь-

ся — домой не попадёшь! — заметил один из наших лётчиков.

Девушка начала кусать губы, чтобы сдерживать слёзы. Немного помолчав, она взяла себя в руки и сказала:

— Что ж, за смех обижаться не приходится, а серьёзно меня никто не обидел. Спасибо и на этом!

Она повернулась и быстро пошла к воротам.

Всем стало жаль её. А я, глядя вслед уходящей, вспомнил свою молодость, своё непреодолимое желание летать, насмешки отца, который говорил, что мне «летать только с крыши».

— С характером девушка! — сказал главный штурман.

— По-моему, — заявил я, — надо попробовать её потренировать. Характер подходящий.

Девушку вернули. Командир предложил ей пройти медицинскую комиссию и сдать испытания.

Скоро у нас в отряде появилась новая боевая единица: штурман Фрося, как её все звали.

Фрося оказалась способным, грамотным штурманом. Кроме того, она знала радио и хорошо работала на ключе. Сначала её посылали на боевые задания с опытными мастерами своего дела. Но вскоре она была допущена к самостоятельным полётам и начала работать с лётчиком Беловым.

Однажды они вылетели в район Брянска. Связь Фрося всегда держала прекрасно. На этот раз они имели скромное задание — разведать погоду. Каждые пятнадцать минут мы получали от неё сообщения. Вдруг связь на некоторое время прервалась. Затем Фрося сообщила: «В районе Брянска большое скопление танков. Бросаю бомбы». Опять наступил перерыв — и новое сообщение: «Самолёт

горит. Лётчик ранен. Стрелок убит». На этом связь была прервана.

У нас в полку сильно загоревали. Многие поговаривали, что, будь на месте Фроси старый, опытный штурман, надежда на спасение людей ещё таилась бы. «Дивчина она хорошая, но бывалый человек в таком положении оказался бы полезнее» — так судили у нас в полку.

Тем временем от потерпевшего бедствие экипажа никаких сведений не было. Белова и Фросю считали погибшими.

Прошло три месяца.

Стояла глубокая зима. В гуще Брянских лесов скрывалось немало партизанских отрядов. Лётчики нашего полка довольно часто получали задания на Малую землю: мы возили партизанам продовольствие, оружие, одежду, вывозили раненых.

Однажды, когда из такого полёта вернулся самолёт, на его борту оказались Белов и наша Фрося.

Трудно рассказать о радости, испытываемой военными людьми, когда к ним возвращаются товарищи, которых считали погибшими! Фросю и Белова буквально на руках вынесли из самолёта... И уж действительно ни с чем не сравнима была наша радость и гордость, когда мы услышали историю их спасения.

Фрося скромно молчала. А Белов рассказал нам вот что.

Когда загорелся самолёт, Белов был тяжело ранен в бедро. Он не мог двигаться. Фрося вложила ему в руку парашютное кольцо и помогла перевалиться через борт машины. Тут же она прыгнула сама. Приземляясь, раненый лётчик не мог самортизировать ногами и от острой боли потерял сознание.

— Надо сказать правду, — рассказывал Бе-

лов,— что когда Фрося нашла меня на опушке леса без чувств, она решила, что я умер. Тут наш штурман повёл себя не по-мужски: она кинулась на мой «труп» и так разревелась, что привела меня своими слезами в сознание. Начиная с того момента, когда она обнаружила, что я жив, её поведению может позавидовать любой храбрый и мужественный боец и разведчик.

Положение наше было тяжёлое. Двигаться я не мог. Аварийного пайка могло хватить на два дня, и то по самой скромной порции. Кроме того, нас легко могли обнаружить фашисты. Неподалёку упал наш самолёт — мы видели зарево от догоревшей на земле машины. Этот костёр мог привлечь внимание врагов.

Уж не знаю, откуда у Фроси столько силы: она взвалила меня на спину и понесла. От боли я снова потерял сознание. Не знаю, сколько времени она меня так протащила. Говорит, что недалеко, но, по-моему, это неправда.

Я очнулся снова уже в шалаше, на довольно мягкой «постели» из сухого мха. Убежище наше было прекрасно замаскировано, но положение трудное. Есть было нечего. Рана моя горела, и я по-прежнему совсем не мог двигаться.

Мы решили расстаться. Сидеть нам обоим в шалаше — значило обречь себя на голодную смерть. Если же Фросе удалось бы найти партизан или местных жителей, которые взяли бы нам помочь, мы были бы спасены. Она ушла в разведку.

Фроси не было два дня... Остальное пусть она сама рассказывает.

— Товарищ командир,— взмолилась Фрося,— я не умею. Вы уж начали, вы и продолжайте!

— Как же я расскажу о том, чего не видел?

— Вы и так всё знаете лучше меня!

— Ну, смотри не обижайся... Так вот, друзья мои, что сделала Фрося,— продолжал Белов.— Не найдя в лесу партизан, она проникла в занятый фашистами районный городок. Она сумела войти в доверие к фрицам, и её приняли в офицерскую столовую. Товарищи дорогие, если бы вы знали, какие изумительные блюда она мне приносила! Один раз умудрилась даже дотащить мороженое... Но разве дело в том, что она старательно выбирала для меня всё самое лучшее! За каждый вынесенный для меня кусок, за каждый тайный уход в лес она рисковала жизнью. Я лично так считаю, что, добывая и доставляя мне питание, она совершала подвиг самого высокого героизма.

Тут Фрося надулась, покраснела и сказала совершенно серьёзно:

— Как вам не стыдно, Николай Павлович... Никогда не думала, что вы станете такое говорить...

— Сама виновата! Я предлагал тебе рассказывать — не захотела. Теперь не мешай!

— Правильно! — зашумели лётчики.— Фрося, к порядку!

— Я вам ещё не то расскажу,— продолжал Белов.— Однажды она явилась ко мне с целым провиантским складом, им можно было полк накормить! При этом она заявляет, что, мол, не ждите меня — целую неделю не приду.

Я спрашиваю, как и что,— она отмалчивается. Когда я стал беспокоиться, что её заметили, она рассказала, что ничего страшного нет: просто ей нужно связаться с партизанами, и всё.

Пожалуй, время, когда она отсутствовала, было для меня самым тяжёлым за все дни нашего бедствия. Я не мог ни есть, ни спать. Никогда в моей жизни дни не тянулись так медленно. Я воображал себе всяческие несчастья, которые могли случиться

с Фросей, проклинал своё беспомощное состояние, и мне не раз приходила в голову сумасшедшая мысль: выбраться из своего логова. Но как я мог прийти ей на помощь?

Не на седьмой, а на десятый день к моему убежищу подошла Фрося вместе с партизанами. И только уже в партизанском лагере я узнал, что она спасла весь отряд... Посмотрите на неё, дорогие товарищи! Эта скромная девушка сохранила нашей стране восемьдесят шесть человеческих жизней...

Фрося опять сильно покраснела. На этот раз она смутилась настолько, что на её глазах появились слёзы. Но, как в первый раз, когда она пришла к нам в полк, она взяла себя в руки и прервала Белова:

— Николай Павлович, честное слово, вы не так рассказываете. Уж лучше я сама.

Народ, слушавший всю эту историю, конечно, зашумел: требовали продолжения.

Фрося сказала:

— Не знаю, что тут такого? Каждый бы так сделал. Я работала официанткой у них в столовой. Никакого героизма тут нет; наоборот, очень противно было подавать этим гадам... Они думали, что я не знаю их языка, и свободно говорили при мне обо всём. А я немножко понимаю. И когда я узнала, что готовится карательная экспедиция на партизанский отряд, я, конечно, пошла и предупредила. Вот и всё.

— Нет, не всё! — крикнул ей Белов.

— Как — не всё?

— А документы?

— А-а... Ну, вот ещё что: когда я решила уйти и больше уж не возвращаться, я пошла в гардероб, где они оставляли свои шинели. Там я всё

повытаскивала у них из карманов — на всякий случай. Конечно, могло оказаться, что ничего ценного бы не нашлось. Но один дурак оставил в кармане шифр радиопередач и список тайных осведомителей. Всё это очень пригодилось партизанам. Только, по-моему, это не моя заслуга, а глупость врага... Ну, а теперь уж окончательно всё. — И Фрося вздохнула с облегчением.

В этот вечер долго не смолкали разговоры о Фросе. Она уже давно ушла отдыхать, а мы всё толковали о ней.

— Помните, — сказал кто-то, — мы решили, что она пришла к нам в столовую подавальщицей наниматься?

— Да-а... А кто это сказал, что с таким штурманом улетишь и домой не вернёшься?

— Это я сказал, — отозвался Белов.

На этот раз пришла его очередь покраснеть.

— Нет, — добавил он, — теперь я вижу, что с ней-то как раз откуда угодно домой попадёшь.

ИСТРЕБИТЕЛИ

Сам погибай, а товарища выручай.

...Лейтенант Гурьев начал летать в районе Сталинграда, когда фронт проходил ещё за Доном. Он видел, как к Волге двигались гурты скота, вереницы беженцев, до отказа гружённые машины и телеги, навьюченные коровы, верблюды. По обочинам дороги брели старики и женщины, толкая перед собой детские коляски с домашним скарбом, а рядом малыши месили пыль босыми ножками.

И все с тревогой поглядывали на небо: не видно ли фашистских самолётов?

Советские истребители охраняли дорогу, вступая в частые схватки с гитлеровскими лётчиками, пытавшимися поливать пулемётным огнём мирных измученных людей, уходивших из родных мест.

В одной из таких схваток Гурьев открыл свой боевой счёт. От его пули загорелся вражеский истребитель «мессершмитт» и ярко пылающим костром рухнул в степь. На своём «ястребке» Гурьев вывел тогда красной краской первую маленькую звёздочку.

К концу августа поток беженцев иссяк, волна эвакуируемых с дальних мест прошла через Сталинград. По ночам далеко видны были в степи пожары — горели массивы хлебов и сёла. Всё говорило о том, что фронт приближается к огромному городу.

...Памятное утро 23 августа было душным и жарким. Накалённые солнцем, земля и каменные здания не успевали охладиться за ночь. Высоко над головой кружился вражеский разведчик — «рама». В утренних косых лучах солнца блестели на виражах стёкла кабины. Прерывисто урчали моторы двухвостового самолёта, уходившего на запад. Потом в небе над Сталинградом появились юркие «мессеры», а за ними тяжёлые «юнкерсы» и «хейнкели».

С юга на север шли фашистские бомбардировщики. Их гнали и преследовали наши лётчики, обстреливали зенитчики. Немецкие самолёты то появлялись из-за облаков, то вновь уносились в высоту для того, чтобы вынырнуть в другом месте и сбросить на Сталинград фугасные бомбы большой взрывной силы.

Население города переселилось в убежища, щели, землянки и подвалы. Начались пожары.

Весь день на Сталинград друг за другом, волнами шли эскадры фашистских бомбардировщиков. Все центральные районы города пылали. Не менее шестисот вражеских самолётов, каждый из которых сделал два-три вылета за день, бомбили Сталинград.

После объявленной 23 августа в городе воздушной тревоги так и не последовал отбой. Он наступил только после окончательного разгрома гитлеровских войск под Сталинградом — 2 февраля.

Казалось, вражеским налётам не будет конца. Огромный, цветущий город, в котором жило около полумиллиона человек, превратился в развалины. И ночью фашистские пикировщики продолжали бешеную бомбёжку Сталинграда, освещая его ракетами.

Каждый день враг терял десятки самолётов, сбитых советской истребительной авиацией и зенитчиками. Но это не останавливало его. Бомбёжка продолжалась.

...Лейтенант Гурьев, как и все его товарищи по эскадрилье, почти весь тот день был в воздухе. Он возвращался на аэродром, заправлял самолёт горючим, брал новые пулемётные ленты и вновь взмывал ввысь, бросаясь вдогонку за «юнкерсами».

На фюзеляже его «ястребка» прибавилась ещё одна красная звёздочка. Но на этот раз её вывел не сам Гурьев, а его техник, и при этом сделал это не так аккуратно. Лётчик же еле добрался до блиндажа, упал на койку и, не раздеваясь, заснул тяжёлым сном — настолько он был бессилён.

Так началась для Гурьева Великая битва у Сталинграда. Эскадрилье, в которой он служил, была поручена охрана переправ через Волгу в районе

Тракторного завода. По несколько раз в день поднимались в воздух «ястребки», завязывая схватки с вражескими самолётами. И очень часто подбитые гитлеровские машины ныряли в тёмную от нефтяных пятен Волгу, по которой медленно плыли трупы и обломки разбитых катеров, шлюпок и барж.

Аэродром находился в степи, недалеко от Волги, у ракитовой рощи. Самолёты стояли среди деревьев, росших обособленными «семьями», на просторном заливном лугу. Они были прикрыты ветками с ещё не опавшими листьями, и их трудно было заметить с воздуха.

В здании МТС расположился ПАРМ — полевые авиаремонтные мастерские. Штаб полка, столовая и общежитие помещались в землянках, где всегда стоял приятный смолистый запах от досок обшивки.

...Однажды, когда все самолёты эскадрильи поднялись по очередной тревоге, на аэродроме появился молодой лётчик с небольшим чемоданом в руке. Он то и дело останавливался, прикладывая ладонь козырьком к глазам, и всматривался в небо, откуда доносился гул моторов и отдалённые прерывистые пулемётные очереди. Лётчик подошёл к группе механиков, так же, как и он, наблюдавших за небом.

— Развлекаются! — сказал он, подняв руку вверх.

— У нас часто бывает такое веселье! — ответил механик, не поворачивая в сторону говорившего закинутой назад головы.

Худой и очень высокий инженер эскадрильи, которого все звали «дядей Стёпой», взглянул на кубики в петлицах новенькой гимнастёрки бывшего и спросил, слегка заикаясь:

— А вы к нам, товарищ младший лейтенант? Лётчик козырнул и посмотрел снизу вверх на инженера, хотя и сам был, что называется, выше среднего роста.

— Так точно, младший лейтенант Степанов... Явился для прохождения службы...— И добавил: — Разрешите обратиться, товарищ всенинженер третьего ранга, где я могу видеть лейтенанта Гурьева?

— А вот сейчас увидите,— ответил инженер, указывая рукой на «ястребок», стремительно приближающийся к аэродрому.

Делая крутой разворот, скользя на крыло, Гурьев блестяще посадил свой самолёт.

Он ещё рулил по полю, а навстречу ему бежал его техник, а за ним Степанов.

— Идти за краской? — весело спросил техник.

— Нет, Дмитрич, сегодня мимо... удрал, проклятый,— засмеялся коренастый, небольшого роста, но ладно сбитый лётчик, выпрыгивая из кабины и любовно похлопывая рукой по фюзеляжу, вдоль которого протянулась красная стрела с шестью звёздочками.

Тут он увидел Степанова и бросился обнимать друга:

— Саша! Саша! Подожди минутку, только сниму парашют... И где ты, долговязый, так долго копался, сатана, так тебя заждался...

— По-прежнему всё стихами шпаришь,— рассмеялся Степанов.— Прежде чем попасть к вам в часть, пришлось срочно кончать высшую истребительную школу...

На встречу друзей, улыбаясь, смотрел техник, немолодой уже человек с обветренным коричневым лицом, на котором топорщились, как щётка, жёсткие седеющие усы.

— Узнаёшь? — спросил друга Гурьев.

— Дмитрич! — радостно воскликнул Степанов. Он только сейчас узнал своего учителя — механика Горьковского аэроклуба.

Учитель и ученик обнялись.

— Ну, пошли в штаб, — сказал Гурьев. — Тебе повезло, вчера пригнали пять новых истребителей...

Когда лётчики вышли из штабной землянки, они увидели тёмное осеннее небо, словно зарницами, освещаемое разрывами бомб, снарядов и мин. Слышна была дробь автоматных и пулёмётных очередей. Скрещивались и вновь расходились по беспокойному небу щупальца прожекторов.

...Через сутки произошло боевое крещение младшего лейтенанта Степанова.

Была дана ракета на взлёт. Над аэродромом повис комок лилового дыма. Техник выбил ногой колодки из-под колёс машины, и она рванулась вперёд.

Степанов с особой остротой испытывал то радостное, чуть тревожное возбуждение, которое всегда охватывало его в начале полёта. А сегодня был особенный полёт — первый боевой...

Самолёты шли к переправе. По ту сторону Волги что-то горело, и чёрный дым пожара лениво расползлся во влажном воздухе. Внезапно Степанов увидел под собой «Юнкерс-88». Лётчик стал снижаться, набирая скорость. В стёклышке прицела вражеская машина занимала всё больше и больше места. Степанов, держа пальцы на гашетке, не выпускал «юнкерса» из прицела. Всё ближе и ближе гитлеровская машина. Пора! Степанов сбоку полоснул самолёт с чёрными крестами.

Бомбардировщик стал крениться на левую плоскость. Левый мотор его задымил. Он повернул

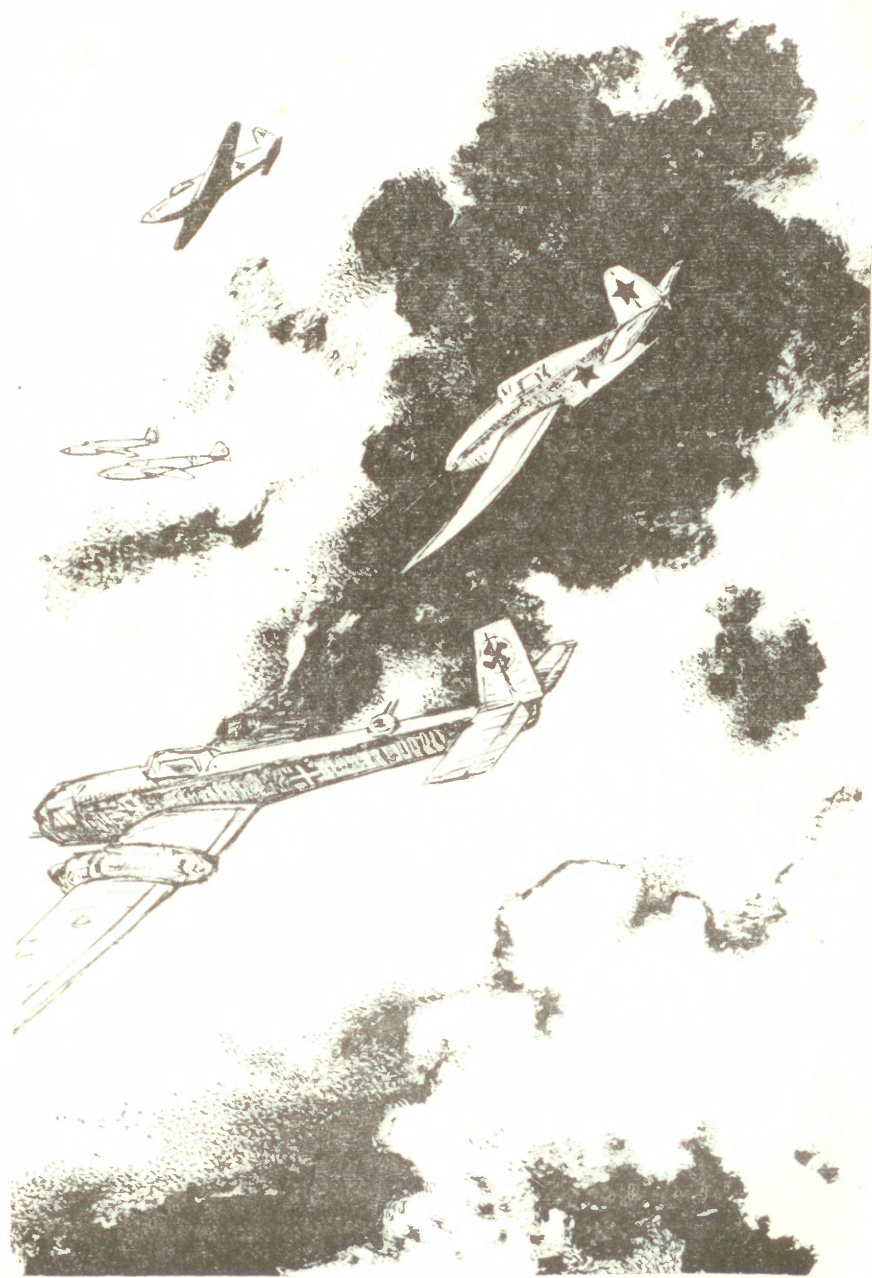
обратно и уходил, правда, неуверенно, как-то криво снижаясь. Теперь Степанов оказался у «юнкерса» в хвосте. Он отчётливо видел следы трассирующих пуль, которыми бил по нему стрелок «юнкерса». Чтобы вывернуться из пулёмётной струи, Степанов круто сворачивал в сторону, отставал, потом опять догонял вражеский самолёт. Наконец ему удалось нанести последний удар. Он атаковал бомбардировщик сверху и прошил его длинной очередью от моторов до хвоста.

«Юнкерс», медленно крутясь, пошёл вниз...

На фюзеляже истребителя № 9, на котором стал летать Степанов, появилась первая красная звёздочка. «Девятка» стояла на аэродроме рядом с «тройкой» Гурьева, как стояли когда-то рядом их станки в цехе автозавода в Горьком.

Как правило, они вылетали со всей эскадрильей, но нередко парой отправлялись на «охоту». В таких случаях в полёте Степанов особо бдительно охранял наиболее уязвимое место машины своего друга — хвост самолёта, и сам каждые тридцать — сорок секунд обязательно поворачивал голову назад. Он делал это почти автоматически, по привычке, чтобы не дать «мессершмиттам» атаковать внезапно. Ведь в воздушном бою побеждает тот, кто первым замечает противника.

Работы для лётчиков-истребителей всё прибавлялось и прибавлялось. На левом берегу, напротив Тракторного завода, как, впрочем, и у других переправ, скапливалось большое количество машин, танков и разной боевой техники, ожидавшей переправы. Надвигалась зима, на Волге с верховьев непрерывно плыл то мелкий, битый лёд, то крупные ледяные поля. Переправа через реку очень усложнилась. Буксиры обламывали об лёд спицы колёс, баржи сносило течением, срезало льдом.

Ждать ледостава было нельзя. Готовящийся к наступлению фронт требовал усиленного пополнения. Переправа шла не только ночью, как раньше, но и днём. А истребители непрерывно патрулировали небо. К тому же они стали всё чаще и чаще «охотиться» за транспортными машинами врага, которые снабжали засевших в Сталинграде гитлеровцев боеприпасами и продовольствием.

В середине декабря было завершено окружение гитлеровцев под Сталинградом.

...С утра дул западный ветер, шёл густой, тяжёлый снег. И в этот нелётный, по существу, день к Сталинграду подбирался отряд бомбардировщиков, сопровождаемый новыми быстроходными истребителями «фокке-вульф». Как видно, гитлеровцы решили воспользоваться снегопадом, так как думали, что при плохой погоде им удастся действовать безнаказанно. Получив донесение поста наблюдения, эскадрилья «ястребов» поднялась в воздух.

Не было видно ничего сквозь густую пелену снега. Степанов старался не упустить из виду хвост гурьевской машины. Они попали в густую тучу и круто взмыли вверх. Окутанный туманом со всех сторон, Степанов перестал ощущать направление и только по альтиметру видел, что поднимается. Но вот туман поредел, и истребители выскочили из облаков. Навстречу им засияло солнце. Степанов облегчённо вздохнул, увидев перед собой гурьевскую «тройку», и тут же заметил, как прямо на них, чуть ниже, двигаются вражеские машины. Они плыли тесным строем — углом — вперёд. Их было много. Степанов насчитал до десятка машин, а потом сбился со счёта. А с боков шныряли «фокке-вульфы».

«Что сейчас сделает Гурьев — свернёт или про-

скочит над ними?» — не успел подумать Степанов, как его ведущий врезался в клин вражеских машин. Строй их мгновенно рассыпался, смешался. Гитлеровские лётчики были, должно быть, поражены такой неслыханной дерзостью. Несколько вражеских самолётов повернули обратно, другие бросились вниз в спасительную тучу.

Степанов, проскакивая среди вражеских самолётов, стрелял почти наугад. Машин так много, что всё равно в какую-нибудь попадёшь. В него тоже стреляли, он видел тускло мелькающие огоньки трассирующих пуль, но не обращал на них внимания.

Мельком глянув в разрыв облаков, Степанов увидел пылавший бомбардировщик, который, переворачиваясь, падал вниз.

Гурьева он ни на секунду не терял из виду и всё время боя «висел на его хвосте», защищая друга... Небо быстро пустело. Только три немецких истребителя кружились вокруг Гурьева. Степанов нырнул под один из них, сделал «горку» и полоснул по брюху очередь. «Фокке-вульф» шарахнулся в сторону и исчез. Другая вражеская машина, сражённая Гурьевым, плыла внизу, в степи. Лётчик третьего «фокке-вульфа» был опытен и напорист. Он нападал на Гурьева, отскакивал и вновь падал. Лишь когда гитлеровец заметил Степанова, он решил уйти. Но это ему не удалось. Степанов стремительно бросился вдогонку.

Но почему Гурьев так странно ведёт себя? «Тройка» то скользит на крыло, то переходит в штопор, то падает почти в отвесном пике.

«Ваня ранен, он теряет управление. Почему же он не прыгает?» — мучительно думал Степанов, яростно бросаясь в атаку на уходившую вражескую машину. Он поймал её в прицел и резанул

сбоку очередью. «Фокке-вульф» перевернулся через крыло и неторопливо нырнул в степь.

Почти одновременно Гурьев вышел из пике и с глубокого виража врезался в землю.

«Погиб, погиб старый и верный друг!» Он ничем не может помочь ему, как это обидно и горько! Степанов снизился и бреющим полётом прошёл над местом падения гурьевского «ястребка», но ничего не мог различить: опять пошёл снег. На последних каплях горючего он дотянул до своего аэродрома. Там его ждали.

Бортмеханики Василий Дмитриевич Лаврентьев — «хозяин» гурьевской «тройки» — и молодой сержант, недавно ставший обслуживать машину Степанова, ожидали на аэродроме «своих», чтобы принять самолёты. Бортмеханики на полевом аэродроме были неутомимыми тружениками. Когда они отдыхали — неизвестно. Почти каждую ночь, на морозе, они возились около самолётов, ремонтируя моторы, заделывая пробоины от пуль в плоскостях и в фюзеляже. А к рассвету обычно истребители стояли в полной боевой готовности. Баки были заправлены горючим, пулемёты заряжены, все приборы проверены. Недаром техников звали «хозяевами самолётов». Они знали, что малейший их недосмотр, самая крошечная недоделка могут привести к несчастью в воздухе, и техники без усталости трудились под назойливым осенним дождём или на студёном зимнем ветру. Их лица были обветрены, руки в трещинах от бензина и от жгучих прикосновений к ледяному металлу. Утро заставало их всегда у самолётов, в ожидании сигнала к вылету.

Когда Степанов вышел из кабины и, сдёрнув шлем с головы, подставил разгорячённое лицо ветру, все поняли, что случилось.

Лётчик обнял Лаврентьева.

— Не уберёг... сбили, проклятые...

У старого техника по коричневому морщинистому лицу скатилась слеза и повисла сверкающей капелькой на седеющих усах...

...Вечером в землянку зашёл командир эскадрильи. Степанов, лежавший ничком на койке, вскочил на ноги.

— Мы пришли вас поздравить, — сказал командир, протягивая белый листок, — от всей души поздравить. Только что получена телеграмма, ваша жена родила сына.

— Спасибо, — тихо ответил лётчик. — Большое спасибо. Вот какой сегодня день — друга потерял, сына нашёл. Я обязательно назову его Иваном...

— И вот что я хочу вам предложить, — продолжал командир. — Пока вы не успокоитесь, летать вам будет трудно, к тому же ваш самолёт как решето. Потребуется время, чтобы его залатать как следует. Берите отпуск дней на десять и поезжайте домой, увидите сына и подготовите стариков Гурьевых к печальной вести.

— Я не могу этого сделать. Сейчас наступают решающие бои под Сталинградом, а я буду кататься по личным делам...

— А я не могу в таком состоянии допустить вас к полётам, — возразил командир. — Всё равно будете без дела сидеть. Поезжайте лучше в отпуск...

Долго сидели в землянке, склонившись над картой, Степанов и Лаврентьев. На карте-пятикилометровке в сорок седьмом квадрате красным карандашом было отмечено место, где упал самолёт Гурьева.

Поздно ночью лётчик и техник вошли в штабную землянку.

— Решили всё-таки идти в отпуск? — спросил капитан.

— Решить-то решил, но не сейчас, — ответил Степанов и рассказал о том, что они с Лаврентьевым собрались сходить в степь, чтобы самим убедиться в гибели Гурьева. Район этот фашистами не занят. — Похороним Ваню, а может... на войне всякое бывает...

Командир вначале возражал, считая, что не следует рисковать, степь кишмя кишит гитлеровцами, а главное, риск бесцельный и обломков самолёта не удастся найти — всё занесло снегом...

Но друзья так настойчиво просили разрешения, что командир в конце концов согласился.

Рано утром Степанов и Лаврентьев, встав на лыжи, отправились в путь.

Друзья перешли Волгу в том месте, южнее города, где сейчас возвышается первый шлюз Волго-Донского канала имени Ленина, и углубились в степь.

Весь день падал мокрый, тяжёлый снег. Лыжи с трудом скользили, то и дело приходилось их снимать и счищать налипшие снежные комья. К тому же Лаврентьев был неважный лыжник. Но они шли без отдыха, упорно пробираясь по компасу к сорок седьмому квадрату.

Степь была пустынна. В этих местах вообще редко встречается жильё человека, а те деревушки и хутора, которые и были разбросаны по неоглядной степи, сгорели. Лишь обожжённые кирпичные трубы одиноко торчали из снежных сугробов.

Ни одна живая душа не попала навстречу. Только к концу дня три волка — их развелось множество в военные годы — неспешной трусцой пробежали наперерез путникам. Короткая очередь из

автомата заставила их повернуть и стремглав умчаться восвояси.

Когда стали сгущаться сумерки, Степанов и его товарищ с радостью набрали на кошару. В углу заброшенной овчарни они нашли немного прелого сена и, закопавшись в него, продремали до рассвета.

За ночь погода изменилась. На смену снегопаду пришёл трескучий мороз. В сухом холодном воздухе было далеко видно.

Степанов и Лаврентьев шли уже в том районе приволжской степи, который условно обозначен на карте квадратом № 47.

Сильно волнуясь, заранее готовя себя к тому страшному, что сейчас предстанет перед их глазами, они скользили по затвердевшему насту.

— Вот, вот, вижу! — закричал вдруг Степанов и, сильно оттолкнувшись палками, стремительно рванул вперёд.

В степи возвышался холм. Обильный снег совсем закрыл обломки самолёта. Друзья бросились откапывать его. Голыми руками они лихорадочно обламывали уже успевший затвердеть снег. Вот показалась изуродованная плоскость — и на ней... чёрный фашистский крест. Это был не «ястребок» Гурьева, а подбитый им или Степановым «фокке-вульф».

— Мне сразу показалось, что это не он, — хладнокровно заметил Лаврентьев, — уж больно куча велика...

В трёхстах метрах дальше была найдена и гурьевская машина. К удивлению, она оказалась не очень разбитой. Как видно, лётчику удалось спланировать и с грехом пополам произвести посадку. На сиденье кабины запеклась кровь. Но ни в кабине, ни возле самолёта Гурьева не было.

Никаких следов обнаружить не удалось. Если они и были, их всё равно занесло снегом.

Впереди, километрах в трёх-четырёх, маячили какие-то строения. Над одной крышей лениво поднималась струйка дыма и расползлась в морозном воздухе.

— Пойдём туда, — предложил техник. — Может, что узнаем и... отдохнём немного.

Трудно передать радость друзей, когда в первом же домике на краю посёлка они увидели лежавшего на хозяйской кровати Ваню Гурьева. Да, это был он, живой и даже весёлый. Карие глаза его счастливо сверкнули в прорези сплошь забинтованного лица.

— И где ты, долговязый, так долго копался? — как всегда, шутливо приветствовал он друга.

Степанов бросился его обнимать.

— Осторожно, плечо...

Через пять минут всё стало ясно. В воздушном бою с тремя самолётами противника лейтенант Гурьев был ранен в правое плечо. От жгучей боли он на мгновение потерял сознание, но сумел всё-таки прийти в себя, заставить самолёт повиноваться его воле и, управляя левой рукой, кое-как посадить машину. На земле он сразу потерял сознание: сказалось нервное напряжение и потеря крови. К тому же при посадке он сильно разбил лицо. Сколько он лежал в беспомощности в кабине, Гурьев не помнит. Он пришёл в себя от звонких детских голосов, внезапно нарушивших степную тишину. Ребята с хутора видели, как падает краснозвёздный самолёт, и помчались на его поиски. Они-то и доставили на салазках лётчика к себе домой. Старушка, бывшая когда-то санитаркой в районной больнице, сумела хорошо промыть рану, остановить кровотечение и перевязать лётчика.

Через сутки три неразлучных друга отправились в обратный путь, в свою часть. Впереди шёл Степанов, прокладывая лыжню. За ним Гурьев, с трудом передвигаясь с помощью только одной палки. Замыкал шествие Лаврентьев.

Волга была уже недалеко, когда они увидели небольшой отряд лыжников, шедший из Сталинграда. Лыжники двигались довольно неумело, как-то странно размахивая палками.

Лаврентьев сразу определил:

— Фашисты!

Гитлеровцев было десять человек. Очевидно, это были разведчики.

Уходить было поздно. К тому же вражеские разведчики заметили трёх человек, шедших в пустынной степи, и теперь с гиканьем бежали им навстречу. Надо принимать неравный бой.

Друзья залегли за небольшим холмом. У Степанова и Лаврентьева были автоматы. Гурьев держал наготове в левой руке пистолет.

Когда до гитлеровцев оставалось шагов полтора, воздух резанула короткая автоматная очередь. Высокий немец, шедший впереди, упал ничком в снег. Остальные залегли и открыли ответный огонь.

Перестрелка продолжалась около получаса. Судя по тому, что гитлеровцы несколько ослабили огонь, у них были потери. Был ранен и Лаврентьев. У Гурьева кончились патроны к пистолету.

Гитлеровцам, видно, надоело отстреливаться, лёжа на снегу, и они пошли в атаку. Семь немецких солдат, согнувшись в три погибели, кинулись к холму. У Степанова уже были на исходе патроны в диске автомата. Стараясь стрелять так, чтобы ни один выстрел не пропал зря, он уложил ещё двух фашистов. Остальные поползли в сторону.

Степанов отбросил свой автомат и схватил оружие Лаврентьева, громко стонавшего от боли.

Гитлеровцы больше не стреляли. Они отползли всё дальше и дальше. Очевидно, разведчики решили просто уйти — степь ведь велика, зачем перестреливаться с отчаянными русскими, когда их можно обойти стороной. Пять гитлеровцев встали на лыжи и, низко нагибаясь, помчались вниз по склону. Последней пулей Степанов настиг ещё одного из них.

С Лаврентьевым дело было плохо. Он уже не стонал. Всё лицо у него было в крови. Кровь сочилась из правой руки и левого бедра. Дыхание стало прерывистым.

Степанов наложил ему жгуты, замотал голову бинтом из индивидуального пакета. Но как доставить тяжелораненого к своим? Гурьев нашёл выход. Он предложил связать две пары трофейных лыж, брошенных немецкими разведчиками, и положить на эти самодельные салазки техника.

Так и сделали. И Степанов потянул за собой тяжёлую ношу. Гурьев пытался ему помогать здоровой левой рукой. Мороз всё крепчал и крепчал. Долго брели они, пока не встретили наконец наш танковый батальон, шедший к переправе на малой скорости.

Танкисты быстро доставили раненых к Волге, а к утру все трое уже находились в своей части.

В ВОЗДУХЕ УЦЕЛЕЛ — НА ЗЕМЛЕ РАЗБИЛСЯ

В 1943 году вместе с командирами других кораблей я получил задание бомбить город Данциг. Мы вылетели.

Над землёй стояла тихая лунная ночь. Сверкали крупные осенние звёзды. В такую ночь хорошо бродить по земле, молча вдыхать свежий воздух, слушать родную далёкую песню...

Но вот мы подошли к линии фронта, и под нами открылось море бушующего огня. Такая резкая перемена картины всегда вызывала во мне новый

приступ ненависти к зачинщикам войны, к варварам, нарушившим нашу красивую мирную жизнь, прервавшим песни, зажёгшим огни кровавого зари. Я думал о своём экипаже — молодых механиках и стрелках. Какой весёлый, славный народ! Им бы работать, наслаждаться солнцем, познавать всю радость созидательной жизни. Но сейчас для них существует только одна радость — положить бомбы точно в цель, бреющим полётом пройти над вражьими колоннами и полить их свинцовым дождём: пожните, что посеяли!

Я отлично понимал те чувства, которые заставляли наших героев-лётчиков идти на таранящий удар: своей гибелью они избавляли любимый народ от врагов. Своей смертью они обрекали на смерть сотни фашистов, приближая час освобождения Отчизны. И ради этой великой цели они совершали последний шаг в жизни, вернее — последнее движение, без всякого колебания.

Все эти размышления быстро проносились в моей голове, пока я вёл машину к цели — городу Данцигу.

Вот справа показалось море, впереди чёрная точка — город. Мои товарищи начинают работать: открываются люки и одна за другой сыплются бомбы. Мы ясно видим взрывы, затем вспыхнувший пожар.

За нами летели ещё самолёты; цель им была открыта, и мы с сознанием исполненного долга развернулись в обратный путь.

Дорога была знакомая. Мы весело шутили, высказывали предположения насчёт того, какую ещё «музыку» нам придётся услышать от вражеских зениток. Но всё прошло благополучно, и мы вовремя вернулись домой.

На другой день мы должны были снова идти на

Данциг. За несколько часов до вылета меня вызвали в штаб. Я простился с товарищами, пожелал им удачи и поехал в Москву. По обыкновению, автомашиной управлял я сам.

Дорога была хорошая, и ехал я очень быстро. Из головы не выходил предстоящий полёт моего экипажа. Мне очень хотелось быть на борту самолёта: там я волновался бы меньше. Но оказалось, что на земле меня тоже ждало серьёзное испытание.

За поворотом показалось село. Дорога была свободна. Вдруг, откуда ни возьмись, два мальчугана перебегают дорогу. Они бы успели её перебежать, но, когда я на всякий случай дал им сигнал, они неожиданно повернулись и побежали обратно.

Всё это произошло в одно мгновение.

Помню только, что я в отчаянии крикнул: «Что вы делаете!» — как будто этим можно было помочь. Затем я сделал то, что делать нельзя, если ещё собираешься жить на свете: резко повернул и затормозил.

Машина буквально завывала, шины зашуршали по асфальту, и мой автомобиль два раза перевернулся. Мне сильно разбило бедро. Как это часто бывает, сгоряча я не почувствовал ранения и выскочил из машины, но тут же упал.

Подбежали люди. На моё счастье, следом за мной ехал начальник санитарного железнодорожного управления. Он подобрал меня. Когда меня укладывали в автомобиль, я услышал разговор тех, кто был виноват в случившемся. Один из мальчиков авторитетно заявил другому:

— Разве это авария? Никто не убится... Вот на прошлой неделе была авария — сразу двое на смерть!

— А вы слышали,— спросил мальчиков мой шофёр,— о таком случае: никакой аварии нет, и машина едет себе дальше, а сразу двое насмерть?

— Такого не бывает!

— А так было бы сейчас, если бы ради вас командир не загубил машину и не поранил себя: вы двое лежали бы на дороге.

Тут я заметил — ребята что-то поняли.

— А он мог бы совсем убится? — спросил один из них.

— Конечно, мог.

Они помолчали, переминаясь с ноги на ногу.

— А ему, наверное, страшно было, когда машина вертелась вверх ногами?

— Страшно не страшно, а надо было спасать ваши маленькие глупые головы...

О чём они дальше говорили, я не знаю — меня увезли в госпиталь.

Лёжа там, я вспоминал о славном экипаже моего самолёта, невольно волнуясь о том, как летают там без меня боевые товарищи. Живы ли они?

Представлялось нелепым, что после таких опасных полётов за линию фронта я потерпел аварию на земле.

Но когда я вспомнил переминаящихся с ноги на ногу мальчишек, подумал иначе: просто на фронте приходилось рисковать жизнью, чтобы истреблять ненавистного врага, а в тылу это пришлось сделать для спасения самого дорогого — наших маленьких советских ребятишек.

ЛЕДОВАЯ РАЗВЕДКА

Полярный лётчик Антонов летал на ледовую разведку — он помогал капитанам проводить пароходы с грузом по Северному морскому пути. Самолёт был «ЛИ-2». В кабине вместо кресел и пассажиров лежали бочки с запасным бензином, чтобы лётчик имел возможность летать не десять часов, а все двадцать.

Работа шла успешно, капитаны оставались очень довольны разведкой Антонова, но сам лётчик не был удовлетворён этой работой. Он неоднократно просил начальника полярной авиации отпустить его на фронт, где на боевой машине он

смог бы принести больше пользы Отечеству, чем здесь, на будничной работе.

Однажды, в начале августа, ему пришлось лететь на одну из далёких зимовок. Летел он над Карским морем. Погода ясная, видимость хорошая. Моторы работали отлично. Лётчик включил автопилот, отрегулировал его, чтобы он вёл самолёт точно по курсу.

Освободившись от управления, он открыл термос, налил из него в металлическую кружку горячего кофе и стал пить, закусывая галетами. Глаза его безразлично смотрели вперёд, на бескрайнее море, а немного сбоку он увидел тень своего самолёта, которая ясно отражалась на зеркальной поверхности воды. Тень, окружённая яркими цветами радуги, стремительно бежала вперёд. Лётчик невольно стал любоваться этой изумительной картиной. И вдруг он увидел — тень самолёта пробежала мимо другой тени, но не яркой, а тёмной. Что это? Он выключил автопилот, взялся за управление и сделал круг над тёмным пятном. Сигарообразная тень стала уходить в глубь моря и скоро скрылась совсем.

— Под нами вражеская подводная лодка! — крикнул он. — Жаль, что у нас нет глубинных бомб, а то бы мы с ней расправились.

Штурман на карте отметил место, где обнаружен враг.

Срочно была составлена шифровка и послана на свою базу. Через несколько минут Антонов получил ответ:

«На смену вам вылетают два военных разведчика. Дождавшись их, продолжайте путь своим курсом».

Через час прилетели разведчики. Полярным лётчикам тоже очень хотелось принять участие

в поисках подводной лодки, но приказ есть приказ.

Обменявшись приветственными знаками, военные лётчики остались караулить подводную лодку, а полярный лётчик полетел выполнять своё задание.

На горизонте показались две высокие радиомачты. Но где дом и склад? Их не видно. Лётчик Антонов стал снижаться, и на высоте двухсот метров он заметил вместо дома только пять кирпичных печек. Дом и склад сгорели дотла. Когда лётчик сел на песчаной косе, к нему подошли зимовщики. Начальник научной станции рассказал, как на них напали фашисты.

— Они, как видно, хотели застать нас врасплох, — начал он, — но их расчёты не оправдались. У нас ещё с начала войны было установлено круглосуточное дежурство. Мы несколько раз видели подводные лодки, а один раз даже военный корабль зашёл в наши края. Правда, уйти ему отсюда не удалось: по нашему сигналу прилетели с Большой земли самолёты и быстро потопили непрошеного гостя. И вот, как видно, они догадались, что наша научная зимовка не только сообщает на Большую землю погоду и ледовую обстановку, но и всё, что заметит в море. Поэтому они и хотели уничтожить нашу точку.

А сегодня дежурил не один, а двое: один сидел на крыше дома, а другой на аэродроме ждал вас. Ну, и заметили, как из воды сначала показалась башня, а потом и сама подводная лодка.

Не прошло и десяти минут, как мы установили свои два пулемёта, которые были завезены ещё в начале войны, и стали наблюдать, что будет дальше. Фашисты не заставили себя долго ждать. Спустили две надувные резиновые лодки, сели с автоматами и отчалили к берегу. Как говорится, ре-

шили высадить десант и взять нас живьём в плен. Но не тут-то было!

Как только они подошли метров на пятьдесят к берегу, мы открыли огонь сразу из двух пулемётов. Что тут было! Несколько человек упали в воду. Шлюпки развернулись — и тягу. Мы, чтобы не тратить много патронов, перестали стрелять. Но зато с лодки открыли артиллерийский огонь. Через несколько минут запылала наша строения. Мало что успели спасти... Ну ничего, у нас здесь много плавника, к зиме построим новый дом, а пока поживём в палатках...

Когда Антонов вернулся на свою базу, ему сообщили, что лодка, которую он обнаружил, потоплена.

КТО ТАКОЙ СЕРЕГА?

Мы шли в боевой полёт на Берлин. Эта цель всегда создавала у лётчиков особенно напряжённое, даже несколько торжественное настроение. Бомбить само логово фашистского зверя считалось у нас почётным заданием, и к его выполнению относились необычайно ревностно. Поэтому, когда в полёте на Берлин у нас отказал один из моторов, было решено маршрут продолжать, сбросить бомбы на цель, а там — будь что будет.

В начале пути погода была хорошая, но, когда

мы пролетели линию фронта, она начала портиться: появилась облачность.

Я решил лететь выше облаков. Пришлось подняться на пять тысяч метров. Все надели кислородные маски.

По внутреннему телефону спросил стрелков, как они себя чувствуют, хорошо ли работают кислородные приборы. Получил ответ, что всё в порядке, и спокойно пошёл дальше.

Но дальше облачность оказалась выше пяти тысяч метров. Поднялись на шесть и около трёх часов шли, не видя земли.

Вскоре высота достигла семи тысяч. Вдруг правый крайний мотор остановился.

— Далеко ли цель? — спросил я штурмана.

— Осталось двадцать минут полёта.

Возвращаться было обидно. А если сбросить бомбы, не долетев до Берлина, то что мы выиграем? Всё равно до своей земли можем не дотянуть. Нет уж, выполнять задание так выполнять!

И я продолжал вести машину по курсу.

Через двадцать минут дрогнул самолёт. Я сразу понял, что это открыли люки. Сейчас наши бомбы будут сброшены на цель, и мы пойдём обратно.

Когда мы сошли с цели, я решил снизиться, чтобы запустить мотор. Мне уже стало ясно, что он остановился потому, что не хватало воздуха.

На высоте в три тысячи метров мотор снова заработал. Не успел я порадоваться, как штурман начал мне командовать:

— Вправо! Влево!

Что такое?

Впереди были заградительные огни немецкой батареи.

Мы быстро набрали высоту. На шести тысячах метров мотор снова остановился. Мои догадки под-

твердились: ему не хватало воздуха. Приходилось снижаться, и каждый раз мы попадали под обстрел.

Нам пробили два бензиновых бака. Но все четыре мотора работали пока хорошо.

Начало светать. Впереди появились высокие обрывистые облака, они напоминали каменные шпили Кавказских гор. Казалось, что самолёт сейчас врежется в эти «скалы» и разобьётся о них вдребезги.

С облаками на нас надвигался мощный циклон. Обойти его не было никакой возможности: мы и так шли на высоте пяти тысяч метров. Когда мы попали в него, в кабине поднялась снежная пыль. В малейшую щёлочку проникал густой струйкой снег. Все приборы покрылись его тонким слоем. Мой «больной» мотор снова остановился.

По расчёту времени, наш самолёт находился уже недалеко от линии фронта. Бензин из пробитых баков продолжал вытекать, и я ждал, что вот-вот должны остановиться все четыре мотора.

Было решено снизиться под облака и восстановить по местности, где мы находимся: если уж придётся совершить вынужденную посадку, то надо знать где.

На высоте тысячи восьмисот метров показалась земля. Температура резко поднялась, снег в кабине быстро растаял, по окнам хлестал дождь.

Под нами была русская земля с густым лесом. Сёл больших мы не заметили, скоплений войск — тоже. Судя по всему, линию фронта мы ещё не «перетянули».

— Где мы? — спрашиваю штурмана.

— Фронт недалеко. Подтяните ещё немного!

В это время, как по команде, остановились

все четыре мотора. Машина быстро стала снижаться.

Что делать? Прыгать с парашютом? Но это значит попасть к фашистам в руки. Садиться на открытое место тоже нельзя: расстреляют. Добежать до какого-нибудь укрытия не успеем.

Я принял решение: садиться на густой лес, подалее от дорог. По крайней мере, фашисты не скоро доберутся до нас, а может быть, нам повезет встретиться с советскими людьми. Что касается самой посадки на лес, мне лично это приходилось делать впервые, но я отлично помнил рассказ моего друга, Ильи Павловича Мазурука, которому пришлось однажды садиться прямо на таёжные заросли, и он даже не сломал машину.

По телефону предупреждаю товарищей: присесть!

Я видел, как один за другим товарищи уходили в заднюю часть самолёта, где меньше риска погибнуть при посадке. Высота быстро сокращалась. Вот и лес... Выравниваю машину, стараюсь как можно больше потерять скорость...

Я упёрся рукой в козырёк, чтобы не разбить лицо о приборы, и мы врезаемся в верхушки густых сосен. Что-то трещит. Машина, подламывая деревья, «на брюхе» опускается до самой земли.

— Товарищи, — крикнул я, — вы живы?

— Мы-то живы, а вы как?

— Раз сам спрашиваю, значит, в порядке!

Оцарапанные, немного оглушённые, мы вылезли из машины.

— А где же хвостовой пушкарь? — спросил я.

— Он раньше всех вышел. Куда же он девался? — недоумевают товарищи.

В это время мы услышали какой-то шум, пыхтение и наконец голос пропавшего пушкаря.

— Стой! Ещё кусаться будешь! — сердито кричал он где-то совсем близко.

— Пусти, окаянный! — крикнул в ответ высокий, не то женский, не то детский голос.

Мы насторожились.

Пушкарь подтащил своего упирающегося пленника. Это был мальчишка в ветхой одежке, лет двенадцати-тринадцати на вид.

— Вот,— доложил пушкарь,— под самый хвост машины подполз!

— «Подполз»! — дерзко сказал мальчишка.— Это вы чуть человека не задавили! Идёшь по лесу — и на тебя самолёт валится...— ворчливо добавил он.

— Ты кто? — спросил его штурман.— Может, партизан? — мягко закончил он.

— Нет. Мой дед заболел, ему кисленького захотелось. Ну, я пошёл на хутор за капустой, а вы тут плюхнулись... Чуть не задавили! — опять с вызовом сказал он.

— Что значит «плюхнулись»? — недовольно переспросил штурман.

— Ну как по-вашему — сели?

— Тебя как зовут? — вступил я в разговор.

— Серёга.

— Скажи нам, Серёга, далеко здесь немцы?

— Не знаю, дяденька,— вдруг сменив тон, плаксиво заговорил Серёга.— Ничего не знаю. Отпустите меня. И так чуть не убили. Меня дедушка ждёт!

— За кого ты нас принимаешь? — уже совсем ласково спросил я, видя, что парень «крутит».

— За лётчиков,— ответил хитрый мальчишка.

— За каких?

— За военных! — Он снова увернулся от прямого ответа.

— Ох, и хитёр ты, bestия! — потирая укушенное место, заметил ему пушкарь.

— Я не bestия. Bestия женского рода, а я мужчина.

Мы громко расхохотались.

— Ты что ж, мужчина, думаешь — мы немцы?

— Не знаю.

— А по разговору судя, мы немцы или русские?

— Не знаю я. Отпустите! Меня бабушка ждёт.

— Товарищ командир! — обратился ко мне пушкарь. — Будем самолёт всё равно сжигать, и его туда же. Разве вы не видите? Это же немецкий шпион!

Глазёнки у мальчишки забегали: он старался понять, шутит пушкарь или нет. Наконец спросил:

— Аэроплан будете сжигать?

— А что же, немцам оставлять?

— Может, что зарыть? — нерешительно спросил Серёга.

— А потом ты приведёшь немцев и покажешь?

Вместо ответа Серёга самым неожиданным образом прыгнул в сторону и скрылся в чаще.

Штурман и пушкарь бросились за ним, но его и след простыл.

— Кто его знает, что за парень... Надо скорей уходить! — забеспокоились мы. — Может, действительно какой-нибудь шпионский прихвостень.

Мы живо подтащили сухих сучьев, разбили масляные баки — и запылал костёр. Тогда мы быстро, гуськом двинулись на восток.

Через несколько часов мы вышли на дорогу. Решили идти вдоль неё — может, удастся встретить кого-нибудь более сговорчивого, чем Серёга. Мысль о нём всё время беспокоила нас: кто его знает, что он за парень! Почему убежал? Может, беду навлечёт...

Мы недолго шли в ожидании встречи. Словно вынырнув из-под земли, перед нами предстали три всадника. Автоматы у них были на изготовку.

— Стой! — «приветствовали» они нас. — Кто вы такие?

Не успели мы ответить, как, откуда ни возьмись, появились два вражеских автоматчика.

Весь наш экипаж, как по команде, схватился за оружие. Бортмеханик и штурман кинулись вперёд. Штурман успел выстрелить, но не попал: его схватил за руку один из быстро спешившихся всадников.

— Тихо, товарищи! — сказал один из тех, кто оставался на коне. — Теперь мы видим, что вы наши. Это для нас ценнее всяких документов. А насчёт фашистов не беспокойтесь: они поддельные.

Заметив, что его не поняли, он добавил:

— Мы нарочно водим с собой таких «ряженных» — сразу людей распознаём. А то ведь фашисты сами тут в нашей форме бродят и по-русски хорошо говорят. С толку с ними собьёшься...

Мы познакомились. Рассказали партизанам историю своего полёта и вынужденной посадки. Они слушали нас с огромным интересом, расспрашивали, какие новости на Большой земле, рассказывали, как воюют сами. Чувствовали мы себя как дома.

— Да, — заметил наш штурман, — для нас большое счастье, что мы вас нашли.

— Тоже — нашли! — добродушно ответил один из партизан. — Это вы спасибо Серёге скажите. Если бы не он, неизвестно, куда бы вы ещё попали... Мы сами вас искали больше трёх часов.

— Так вот я какую важную птицу поймал! — охнул наш пушкарь.

— Очень важную, — без тени усмешки ответи-

ли партизаны.— Самый боевой разведчик. Только на вас очень рассердился, говорит — чуть не убили. Поэтому и не верил, что вы советские лётчики. «Разве, говорит, наши лётчики так плюхаются?»

В лагере мы снова встретили Серёгу. Увидев нас, он застеснялся и собирался было снова задать стрекача. Но на этот раз мы его без труда остановили.

— Ты что ж,— спросил я его,— такой специалист по авиации, что по посадке отличаешь советских лётчиков от фашистских?

— Не то что отличаю, а вроде как наши лётчики должны быть ловчее,— уклончиво сказал он.

— Ну, а мы, по-твоему, плохо сели?

Он шмыгнул носом и отвёл взгляд в сторону: вежливость не позволила ему сделать прямое признание.

Я долго объяснял Серёге, как трудно посадить машину на лес, чтобы не разбиться.

— А ты говоришь — плюхнулись! — не удержавшись, добавил я.

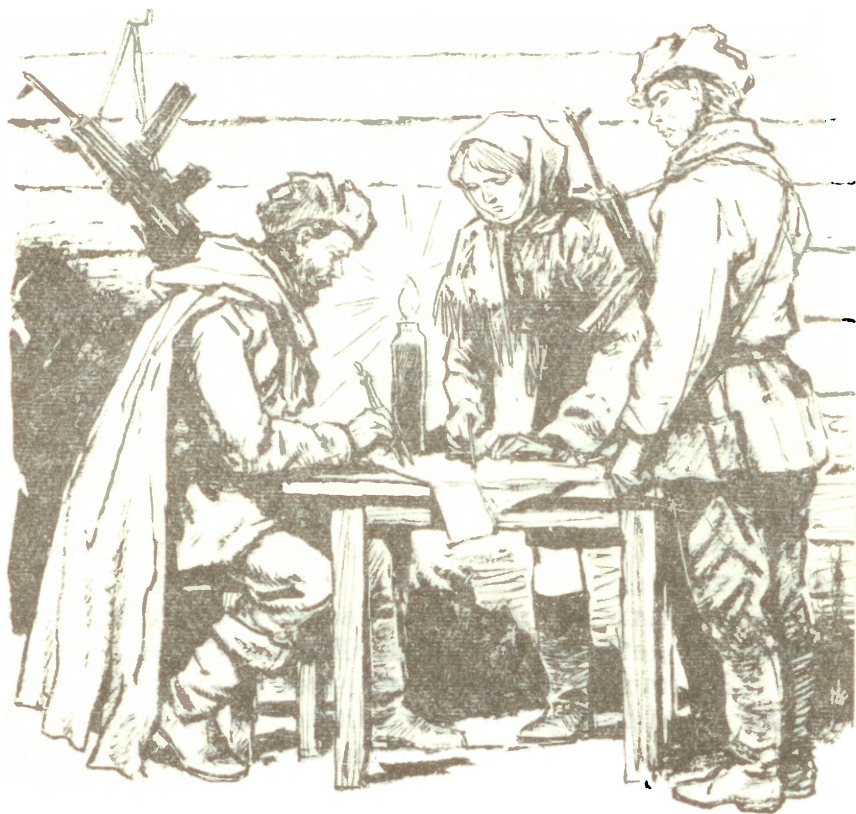
— Теперь я понял. Простите, что не узнал вас.

— Ничего, ведь мы тебя тоже не узнали: всё шли и гадали, кто такой Серёга — друг или враг? А ты ведь наш спаситель!

— Вы-то зря гадали,— задумчиво ответил мальчик.— Я ещё не слышал, чтоб кто-нибудь из ребят фашистам продался. Так, по-моему, не может быть!

— Ты прав.

Действительно, за всё время войны я ни разу не слышал, чтобы подросток пошёл в услужение к врагам. А как много ребята помогали своим, я наблюдал сам и слышал от других.

ЗАСАДА НА ЗИМНЕЙ ДОРОГЕ

В партизанском отряде Шлапакова все уважали Тимофея Ивановича Куриленко. В мирное время был Тимофей Иванович учителем Пореченской неполной средней школы. А когда немецкие войска оккупировали Смоленщину, учитель ушёл с двумя своими сыновьями, Володей и Геннадием, в лес к партизанам. Вскоре все трое стали настоящими бойцами. Но больше всех прославился самый младший Куриленко — Володя. Он был храбрым и отчаянным бойцом, но в то же время очень дисципли-

нированным. Поэтому командир на самые трудные задания посылал именно Володю.

Не легко было скрываться народным мстителям зимой в глухом лесу. Голодно и холодно партизанам, но они не думали о трудностях и продолжали бить жестокого врага.

Партизаны смело нападали на обозы оккупантов. В боях добывали они себе самое необходимое.

Жители окрестных деревень помогали народным мстителям чем могли, но у них самих мало было продуктов. Оккупанты изо дня в день грабили крестьян. И при всём желании местные жители не могли помогать партизанам так, как это требовалось.

Однажды в партизанском отряде кончились продукты.

— Обедать не придётся, если у немцев продукты не добудем,— сказал Павел Митрофанов.

— Эх, каши бы сейчас гречневой! — вздохнул другой партизан.— Целый котелок съел бы.

— Гречка у фрица,— засмеялся дежурный.— Пойди отними.

— Дай срок, отниму. Ещё как отниму! — обиделся партизан.

Было раннее утро. Погода стаяла вьюжная. Верхушки деревьев качались и скрипели под сильным ветром. А в чаще, где расположились партизаны, было тихо, морозно.

В это студёное февральское утро из деревни Хохлово прибежала учительница Анна Матвеевна. В штабной землянке разведчица докладывала обстановку в деревне партизанскому командиру Ивану Романовичу Шлапакову.

— Обоз с продовольствием. Большой,— говорила учительница.— Остановился в деревне на сутки. Завтра отправится дальше, в город Демидов.

— И говорите, богатый обоз? — переспросил командир, хитро прищурившись.

— Пропасть всякого добра! — подтвердила Анна Матвеевна.

— А какая охрана?

— Человек тридцать...

Партизанский командир нахмурился. Охрану обоза трудно будет одолеть. В другое время три десятка солдат, охраняющих обоз, показались бы ему пустяковым препятствием. Но сейчас в лагере оставалось только четырнадцать бойцов. Все остальные ушли на боевое задание. Они должны будут взорвать железнодорожный мост и уничтожить эшелон с гитлеровцами, которые направляются на фронт.

— Спасибо за сведения, дорогая Анна Матвеевна, — сказал Шлапаков. — Только вот партизан у нас маловато для нападения... Ну ничего. Вы нам сообщили ценные сведения. В отряде кончаются продукты, и обоз мы должны захватить. Иначе придётся голодать...

Иван Романович проводил разведчицу до ближайшей лесной дороги и вернулся в землянку.

Володя Куриленко сидел у стола и при неровном свете чадающей коптилки рассматривал карты, взятые партизанами во время недавнего налёта на комендатуру в деревне Шайтары. Он тогда возглавлял группу, в которую входил и его отец, Тимофей Иванович.

Сейчас Володя сравнивал новенькие хрустящие немецкие карты с потёртой на сгибах картой командира отряда. Станным казались Володе русские названия, обозначенные чужими буквами на листах, напечатанных в Берлине. Сразу даже не прочтёшь знакомые с детства слова.

Смотрел Володя на карту и видел дороги и леса,

которые исходил ещё мальчишкой. Вот они — серовато-жёлтые квадраты степных районов Смоленщины. Зелёные с синими прожилками рек и речушек лесные массивы. Деревни, большаки, рощицы, просёлки, полустанки... Он вспомнил, как ходил с пионерским отрядом в туристический поход. Здесь вот они жгли костры, варили кашу, а потом долго пели пионерские песни. А вот тут, на крутом пригорке, он однажды упал с велосипеда и вывихнул ногу.

Зажмурил Володя глаза — и предстали перед ним все изгибы дороги, ведущей в родную деревню, все подъёмы и спуски, все придорожные кустики и ракиты. Вспоминает он небольшие смоленские деревушки с почерневшими от времени срубам. Колодцы на широких улицах. Холмы. Лощины. И — поля. Поля без конца и без края. И нет дорожке этих мест, где родился и вырос...

— Ну что, заснул, орёл? — громко спросил Иван Романович. — А я тебе задание даю.

Володя вскочил из-за стола, вытянулся по стойке «смирно».

— Ладно, сиди, сиди, — благодушно сказал командир отряда, а когда Володя снова уселся за стол, продолжил: — Возьми-ка, Володя, троих партизан и быстренько иди с ними в разведку. Нам нужно точно знать, когда немецкий обоз выйдет из деревни Хохлово и окажется на зимней дороге. Будешь посылать ко мне бойцов с донесениями.

— Есть, — снова встал Володя и, чётко, по-военному повернувшись, вышел из землянки.

Партизанский командир посмотрел с улыбкой вслед своему разведчику. Он очень любил этого бесстрашного и решительного паренька. Перед партизанами стояла нелёгкая задача. Немцев вдвое больше. К тому же в трёх километрах от деревни

Хохлово, в соседней деревне Язвище, стоит отряд карателей. Когда начнётся стрельба, гитлеровцы обязательно услышат выстрелы и, конечно, поспешат на помощь своим. Тогда вся операция по захвату обоза провалится. Командир долго думал, что же делать. И вот наконец принял решение: на деревню, где остановился обоз, не нападать. Пусть немцы выйдут на дорогу. Западню для противника партизаны устроят возле придорожного хутора. Нападут внезапно. Стремительно окружают немцев и сразу заставят их сдаться в плен. Тогда каратели не успеют прийти на помощь, а партизаны уведут обоз в лес. Так думал Шлапаков. Он вышел из землянки и приказал построиться всем партизанам. Через минуту оставшиеся в лагере десять человек стояли одной неровной шеренгой перед командиром.

Странное впечатление произвели бы эти люди на стороннего наблюдателя. Вот седой человек в очках с дужкой, перевязанной бечёвкой, одетый в старенькое, потёртое пальтишко. Это Тимофей Иванович Куриленко, бывший учитель. Рядом с ним Миша Гильфанов — татарин, сержант Красной Армии. Миша попал в окружение ещё под Брестом и упорно пробирался к линии фронта, пока не наткнулся однажды на отряд Шлапакова. Вот с красной повязкой на рукаве дежурный по лагерю Геннадий Куриленко. А возле него — весельчак Павел Митрофанов, бывший колхозный тракторист. Какие разные люди стоят в одном строю! Разные по профессии и возрасту. Что объединило их? Что заставляет терпеть всяческие трудности и лишения? Что ведёт их в бой и заставляет подвергать жизнь смертельной опасности? Ответ на эти вопросы может быть только один: всех этих столь разных людей объединила и свела

в боевую группу безграничная любовь к Родине, к своему Отечеству. Их сердца наполнены желанием побыстрее прогнать с советской земли ненавистных фашистских захватчиков.

Командир отряда внимательно оглядел каждого из бойцов и коротко рассказал о предстоящей операции.

— На каждого из вас, товарищи, придётся по три фашиста,— такими словами закончил свою речь командир.— Только смелость и мужество могут помочь нам выиграть этот бой.

И вот уже десять человек идут через лес. Из трёх Куриленко в операции участвует только старший — Тимофей Иванович. Геннадий остался дежурить по лагерю. Володя — в разведке.

Февраль выдался снежный. Намело снегу видимо-невидимо. Даже на открытых местах партизаны проваливались в снег по пояс. Идти было тяжело. Гуськом, ступая след в след, партизаны продвигались к хутору, около которого командир решил устроить засаду. Несмотря на крепкий морозец, всем вскоре стало жарко.

Когда добрались наконец до хутора, то наткнулись на спешащего с донесением партизана, который ушёл вместе с Володей Куриленко. Связной сообщил, что обоз уже вышел из Хохлова и скоро нужно ожидать незваных «гостей».

Дорога вела к деревне Жарь. Партизаны быстро и бесшумно устроили засаду. Одна маленькая группа залегла возле дома, другая — через дорогу, за амбаром. Шлапаков с ручным пулемётом и тремя бойцами расположились в сенном сарае.

Медленно тянулись минуты...

Партизаны с нетерпением ждали появления обоза. Лежать без движения в холодном снегу не слишком приятно. Вскоре мороз пробрал бойцов до

костей. Им казалось, что они лежат здесь уже очень долго, а немцы никогда не покажутся на дороге. Каждый жил ожиданием предстоящего боя. Что принесёт эта схватка? Победу или поражение...

Люди совсем окоченели и проклинали фашистов на чём свет стоит. Но вот наконец послышался далёкий скрип полозьев, лошадиное ржанье и чужая, отрывистая, похожая на лай, речь обозников. Партизаны затаились, боясь хоть чем-нибудь выдать своё присутствие. Шлапаков шёпотом передал приказ:

— Готовьсь!..

Морозный воздух словно застыл. Вот уже голова колонны поравнялась с сараем. И вдруг раздался сухой протяжный треск, будто рвётся большое полотно. Это командир нажал на спусковой крючок пулемёта, и короткая меткая очередь прошла лошадь, запряжённую в первые сани. Лошадь упала, забилась в судорогах. Обоз остановился. Свернуть с дороги следующим нельзя — чересчур глубокий снег.

Внезапно раздалась длинная ответная очередь пулемёта. С хвоста колонны затараторил вражеский пулемёт, о котором не знали партизаны.

Пули свистели над головами партизан, впивались злыми осами в стены сарая и амбара, отщипывали острые сосновые щепки от брёвен. Вот уже один из партизан вскрикнул и уронил винтовку. Его ранило в руку. Другому две пули попали в ногу. Сопrotивление гитлеровцев оказалось организованным и стойким.

Время было упущено. Молниеносного нападения на обоз не получилось. Принимать затяжной бой партизанам было нельзя: могли подойти каратели и окружить маленькую горстку народных

мстителей. Тогда дело обернётся для партизан совсем плохо.

Шлапаков всё это понимал и уже хотел дать приказ об отступлении, как неожиданно позади гитлеровцев раздались крики «ура» и отрывистые очереди автоматов.

Пулемёт врага продолжал строчить, но командир отряда всё же встал во весь рост, чтобы лучше разглядеть, откуда пришла неожиданная помощь. Он увидел, как раздался взрыв, и вражеский пулемёт умолк. По снегу к обозу бежали, на бегу стреляя, разведчики с Володиёй Куриленко во главе.

— Володя! Володя! — радостно вскрикнул Шлапаков и вновь припал к пулемёту. — Вовремя ты подоспел, орлёнок мой смелый.

Обстановка боя сразу изменилась. Немцы были в растерянности. Все, кто был в засаде, поднялись и пошли в атаку.

— Хенде хох! Руки вверх! — услышал Шлапаков голос партизанского орлёнка Володи Куриленко.

Пять уцелевших фашистских солдат, стоя возле своих саней, подняли вверх руки. Трое побежали вперёд, к видневшейся вдали деревне Жарь. Но далеко они не убежали: партизанский снайпер Ваня Борисов прицелился из винтовки и на расстоянии почти в пятьсот метров срезал одного из бегущих.

Судьбу двух гитлеровцев, спрятавшихся в подполье деревянного дома, решила брошенная Володиёй граната. Двадцать вражеских солдат остались лежать у дороги. И ещё четыре лошади...

Партизаны, не теряя времени, стали перекладывать трофеи в оставшиеся целыми сани.

— Молодец! — похвалил Володю командир. — Спасибо тебе, не подоспей ты с ребятами, туго бы

нам пришлось. Правильно оценил обстановку, ударил где надо!

— Ну что вы, — смутился Володя, — мы ничего особенного не сделали, Иван Романович. Торопились к месту боя, да немного пришлось задержаться в деревне. Принесли сведения с железной дороги о движении вражеских поездов. Теперь можно начинать битву на рельсах...

— Да ты настоящий орёл, а не орлёнок, — сказал командир и обнял Володю.

Через двадцать минут перегрузка добытого в бою снаряжения и продовольствия была закончена. Обоз свернул с большака на еле приметную, малоезжую дорогу в лес. Начал порошить пушистый снежок, засыпая следы недавнего боя.

— Ну, теперь нас сам чёрт не найдёт, — обрадованно сказал один из партизан. — Снежок все следы скроет!..

Володя ехал на санях вместе с Мишей Гильфановым.

— Можешь считать, что это твои трофеи, — сказал Миша. — Без твоих разведчиков пришлось бы нам отступить.

— Ерунда, справились бы и без нас, — сказал Володя, но ему пришлась по душе похвала товарища...

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Председатель сельсовета	3
Недоразумение	8
Штурман Фрося	12
Истребители	21
В воздухе уцелел — на земле разбился	33
Ледовая разведка	42
Кто такой Серёга?	46
Засада на зимней дороге	55

Для младшего школьного возраста

Михаил Васильевич Водошнянов

В ДНИ ВОЙНЫ

Рассказы

ИБ № 8296

Ответственный редактор *С. П. Мосейчук*. Художественный редактор *Л. Д. Бирюков*. Технический редактор *И. В. Зологарёва*. Корректор *И. В. Козлова*. Сдано в набор 11.12.84. Подписано к печати 26.03.85. Формат 60×84¹/₁₆. Бум. тип. № 1. Шрифт школьный. Печать высокая. Усл. печ. л. 3,72. Усл. кр.-отт. 4,19. Уч.-изд. л. 2,62. Тираж 150 000 экз. Заказ № 150. Цена 10 коп. Орденов Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. 103720, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавополиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. 127018, Москва, Суцёвский вал, 49.

Отпечатано с фотополимерных форм «Целлофот»

Водошнянов М. В.

В62 В дни войны: Рассказы / Рис. А. Лурье.— М.: Дет. лит., 1985.— 64 с., ил.— (Маленькая историческая б-ка).

10 к.

В этой книге прославленный лётчик Герой Советского Союза М. В. Водошнянов рассказывает о мужестве и героизме советских людей во время Великой Отечественной войны, о том, как он и его боевые товарищи водили тяжёлые воздушные корабли-бомбардировщики в дальние тылы врага.

В 4803010102--281 206—85
M101(03)85

P2

10 коп.